

От автора

О блокадном Ленинграде написано много книг, в том числе и о альпинистах-маскировщиках, укрывавших от фашистских артиллеристов и летчиков золотые доминанты города, которые позволяли врагам прицельно уничтожать архитектурные памятники, военные объекты и его жителей.

Авторы ряда книг: В. Краснояров. «Покорители золотых вершин», Н. Баранов. «Силуэты блокады», М. Медведев. «Требуются верхолазы», Ф. Свешников. «Золотой ледоруб», Е. Воробьев. «Небо в блокаде» и другие в своих произведениях в основном правильно осветили подвиг ленинградских альпинистов, раскрыли общую картину событий, связанных с высотными работами, но допустили некоторые различия и неточности.

Мне — участнику бригады верхолазов-альпинистов, маскировавших золотые купола и шпили в тяжелые военные годы, хотелось бы вновь вернуться в своих воспоминаниях к тем дням с позиций очевидца и действующего лица и подробнее рассказать о тех людях, которые спасли и наш прекрасный город, и многие тысячи человеческих жизней.

Каждый год 9 мая в 11 часов мы встречаемся в Петропавловской крепости у собора и в память о друзьях, погибших в блокаду на маскировочных работах, поднимаемся наверх к Ангелу. Из той бригады нас осталось двое: Ольга Фирсова и я. С нами приходят наши близкие друзья. С каждым годом на шпиль поднимается все больше людей. Друзья приводят своих друзей, а те — своих детей и внуков. Их набирается много — до полусотни. Мне и Оле хорошо с этими людьми, любящими свой город, влюбленными в его красоту и героику.

Начало таким встречам, которые уже стали традиционными, положила директор Государственного музея истории Санкт-Петербурга Наталия Леонидовна Дементьева (ныне министр культуры России), за что ей низкий поклон и глубокая благодарность.

На этих встречах нет членов нашей бригады: Али Пригожевой и Алоиза Зембы — они погибли в блокаду. Мне уже семьдесят пять, Оле — далеко за восемьдесят, а они для нас так и остались молодыми: двадцатидвухлетняя красавица Аля и двадцатидевятилетний мужественный Алоиз. Мы часто думаем о них. Хочу, чтобы о них знали нынешние двадцатилетние.

У них было много общего. Оба из бедных рабочих семей. И порой кажутся странными, неправдоподобными (при той бедности и нужде) их искренний патриотизм, оптимизм, бескорыстие, чистота помыслов, способность к самоотдаче, к подвигу. Они были романтиками. Наверное поэтому и стали альпинистами. Одинакова их трагическая судьба.

Будь на их месте другие, они пожалели бы себя гораздо раньше, не переходя последней черты физического истощения. И, возможно, остались бы живы, спаслись, а они, мои близкие друзья, не могли поступить иначе. Но это были бы уже другие люди. Они любили страстно свой город, они работали и сражались за него, пока держались на ногах.

Для меня и Оли Фирсовой они живы. И нам все чудится, что однажды вечером в белые ночи мы встретим на Троицком мосту эту удивительную пару жизнерадостных молодых людей. Идут они, взявшись за руки, обдуваемые легким балтийским ветерком, о чем-то спорят и смеются. Смех Али звучит как колокольчик. О чем они мечтают? Конечно, о счастье. Дети добра и света. Все у них должно быть хорошо в будущем...

Но будущее украли война.

Начинаем с Адмиралтейства

Деловой спор в кабинете начальника Государственной инспекции охраны памятников продолжился и на следующий день по поводу окраски шпилей и куполов и с какой доминанты начинать.

Учитывая центральное расположение сверкающего шпиля Адмиралтейства и находящихся рядом важных командных объектов — штабов Ленинградского фронта, Воздушной армии, Балтийского флота, Управления ленинградской милиции, Высшего военно-морского инженерного училища им. Ф. Э. Дзержинского, Эрмитажа, решили начинать с Адмиралтейской иглы.

Золотой шпиль Адмиралтейства, увенчанный трехмачтовым фрегатом, давно уже стал общеизвестной эмблемой города на Неве. Адмиралтейская игла, которая, по меткому выражению одного из современных поэтов, «тома истории прошла», доминирует в пейзаже Петербурга и вполне закономерно стала архитектурным центром города.

Адмиралтейство неотделимо от Ленинграда — Петербурга, как Кремль от Москвы, Нотр-Дам от Парижа, Колизей от Рима.

Однако значимость Адмиралтейства, его ценность для нас не исчерпываются архитектурным центром — это частица истории русского мореходства, судостроения, кузница кадров флота российского.

5 ноября 1704 года состоялась закладка петербургской судостроительной верфи, о чем Петр I сделал в своем дневнике запись: «Заложили Адмиралтейский дом и были в остерии и веселились, длина 200 сажен, ширина 100 сажен».

Весной 1719 года Петр I привлекает к участию в достройке Адмиралтейского шпиля голландца, «шпицных и кровельных дел мастера» Германа Ван Болеса, который незадолго перед тем соорудил шпиль собора в Петропавловской крепости.

Ван Болес получил приказ: «Шпиц адмиралтейский достроить всякою столярною и плотничною работою и укрепить своими мастеровыми людьми и на оном шпице поставить яблоко и корабль и поверху его корону, доделать же внутри и с лица того шпица окошки, двери, балясы и лестницы со всем в отделку самым добрым и чистым мастерством».

К концу первой трети XVIII века городской центр переместился с Петроградской стороны на Адмиралтейский остров. Надо было уделять внимание внешнему виду Адмиралтейства. В 1731 году последовал указ императрицы Анны Иоанновны: «...Адмиралтейскую башню, на которой шпиц (понеже она со второго апартамента мазанковая и весьма пошатилась), за ветхостью ныне немедленно разобрать и для прочности сделать вновь всю каменную и шпиц поставить...».

Подготовка соответствующего проекта и все руководство перестройкой было поручено Ивану Кузьмичу Коробову — талантливому русскому зодчему.

Приподнял в дерзостный полет.
 В года блокады, смерти, стужи
 Она, закутана чехлом,
 Для нас хранила ясность ту же,
 Сверкая в воздухе морском.
 Была в ней нашей воли твердость.
 Стремленья ввысь, в лазурь и свет,
 И несклоняемая гордость —
 Предвестье будущих побед.

Сентябрь 1941 г.
 Наконец В. Судаков
 набросил лассо
 на кораблик
 Адмиралтейства
 и повесил веревку
 по которой мы
 поднимались наверх

Мы внимательно изучили материалы истории строительства Адмиралтейства и все, что было связано с реконструкцией и позолотой шпиля в разные периоды. В этом помогали нам районный архитектор Ольга Николаевна Шилина и начальник ГИОП Николай Николаевич Белехов. Но как мы ни старались изыскать способы и варианты восхождения предыдущих реставраторов и ремонтников на шпиль, кроме уже известного стандартного строительства лесов, ничего не нашли.

Проникнуть внутрь шпиля к «шарику», чтобы подвесить блоки, практически невозможно. Каркас из дерева сконструирован таким образом, что не только тело, но места и руки не протиснуть. И вся эта прекрасная деревянная основа обшита медными листами и позолочена.

В такую архитектурную святыню рука не поднимется вбивать скальные крючья.

Мы долго думали с Алоизом над тем, как проникнуть наверх, не повредив поверхности шпиля. Попробовали осуществить способ подъема без лесов Петра Телушкина, который в 1830 году на одних веревках поднялся к вершине шпиля Петропавловского собора, чтобы исправить после ураганного ветра Ангела на кресте. Но увы! Алоиз после ранения не смог это сделать. Я поднялся на высоту около шести метров, и на этом мои силы после госпиталя были исчерпаны. Дело остановилось. Как повесить блоки, чтобы одеть в гигантский маскировочный «халат» шпиль Адмиралтейства? Его уже сшили из мешковины буквально за одну ночь, получилась махина весом в полтонны.

Разочарованные, мы с Алоизом стояли у верхнего «фонарика» на балконе под основанием шпиля, обсуждая свои технические проблемы. Как вдруг неожиданно услышали голос Оли Фирсовой, призывающей посмотреть вниз, в Александровский сад.

Там под кронами деревьев стояли большие аэростаты воздушного заграждения, которые на ночь поднимались в ленинградское небо для защиты города от вражеских самолетов. Перед подъемом их осматривали воздухоплаватели с маленького шарика-прыгунка (диаметром пять метров), чтобы расправить на аэростате складки, поставить заплатки и исправить другие технические неполадки.

Ольга озорными глазами смотрела на нас и сделала дерзкое предложение: использовать этот самый шарик-прыгунок для подъема наверх.

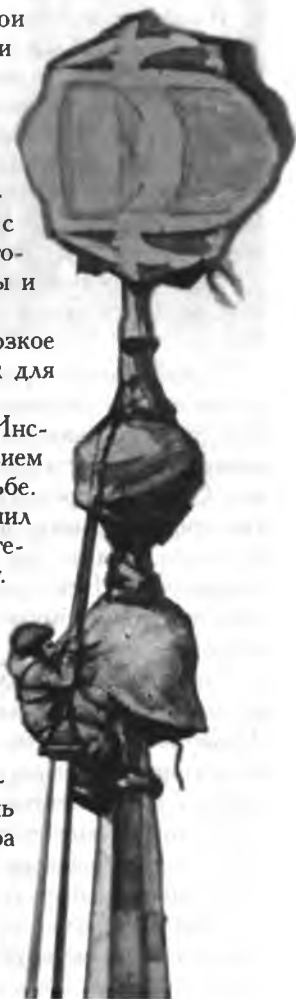
Мы ухватились за эту идею. Н. Н. Белехов от имени Инспекции охраны памятников обратился с письмом за содействием в МПВО. Там очень внимательно отнеслись к этой просьбе. Командующий артиллерией фронта генерал Одинцов поручил это задание опытному летчику, наблюдателю-воздухоплавателю старшему лейтенанту Владимиру Григорьевичу Судакову.

Мы поставили перед ним основную задачу: повесить на штоке под основанием кораблика-флюгера веревку, по которой мы могли бы подняться наверх с помощью альпинистской техники — схватывающих узлов «пруссиков».

Однако это оказалось делом сложным. Шквалистые ветры мешали подняться Владимиру Судакову, не давали возможности легкому одноместному шару приблизиться к шпилю. Каждую минуту грозила опасность: стоило шару лишь слегка задеть за острую пластину кораблика — и катастрофа неминуема.

Мы назначили дежурство в ожидании безветренной, штилевой погоды, подключив к этому и дежурного офицера Высшего военно-морского инженерного училища им. Ф. Э. Дзержинского, находящегося в здании Адмиралтейства.

Сентябрь 1941 г.
Уже зачехлены корабанк, корона и «яблоко» шпиля Адмиралтейства
О. Фирсова приступает к маскировке шпиля Адмиралтейства

Переходим на Инженерный (Михайловский) замок

Шпиль Инженерного замка не так высок, всего 67 метров, но он служил хорошим ориентиром в этом районе для прицельной артиллерийской стрельбы фашистов. В самом замке располагался военный госпиталь, рядом — Русский музей, военная комендатура города, военно-инженерное училище, Ленэнерго, в Летнем и Михайловском садах под кронами деревьев были расположены склады боеприпасов, Соляной городок тоже заняли под военные склады и т. п.

Сам замок и прилегающая территория представляют исторический интерес. Едва взойдя на престол, Павел I распорядился о сооружении монументального замка-крепости на месте Большого Летнего дворца. Он хотел иметь своей резиденцией не дворец, а средневековую рыцарскую цитадель, которая его защитила бы от заговора, подобного тому, жертвой которого стал его отец — Петр III. Павел требовал, чтобы эта обширная территория застраивалась и благоустраивалась по единому архитектурному плану. Проект ансамбля разработал выдающийся русский зодчий В. И. Баженов, но строительные работы продолжил итальянский архитектор В. Бренна с некоторыми изменениями первоначального замысла.

26 февраля 1797 года Павел осуществил закладку замка под звуки пушечной пальбы с Петропавловской крепости, а 8 ноября 1800 года уже состоялось освящение замка под звон колоколов всех церквей Петербурга. Царская семья немедленно переехала сюда из Зимнего дворца.

Все четыре фасада замка разные. Мы работали на шпилье, который находится на западном фасаде и обращен в сторону Михайловского сада, начинавшегося на противоположном берегу Церковного канала. Обширное крыльцо из серого гранита вело в церковь архистратига Михаила (отсюда первоначальное название замка), которого Павел считал своим покровителем.

Над церковным алтарем вознесся золоченый шпиль, одна из основных доминант города.

Самый парадный, южный фасад — главный. В Воскресенские ворота в замок могли въезжать лишь члены императорской семьи и иностранные посланники. Фасад обращен в сторону площади Коннетабля, где проходили любимые Павлом парады. В центре плац-парада был установлен бронзовый памятник Петру I работы Бартоломео Карло Растрелли с лаконичной надписью: «Прадеду правнук».

Подходы к шпилю несложные, но проблема осталась та же, что и на Адмиралтействе: как поднять и повесить блоки на крест шпиля для чехла, не повредив его?

На этот раз обошлись без азростата, чтобы закрепить наверху веревку. Поднявшись выше колокольни к «факелам», которых

сейчас нет (ввиду ветхости они разрушены, и остались от них четыре длинных металлических штыря), положили между ними и шпилем доски, на них поставили легкую выдвигающую лестницу-стремянку. Сократив значительное расстояние по высоте и подойдя ближе к кресту со стремянки, удалось забросить гирьку, привязанную к репшнуру на крестовину. Протравив гирьку вниз, привязали к концу репшура основную альпинистскую веревку диаметром 10 миллиметров, протащили ее через крестовину и, поднявшись по ней на вершину шпиля с помощью схватывающих узлов «пруссиков», закрепили наверху блоки.

Через блоки на шпиль Инженерного замка подняли такой же маскировочный чехол, что и на Адмиралтействе. Его сшили девушки-матросы в той же швальне Адмиралтейства. Особых проблем с подъемом чехла не было. Погода стояла тихая, безветренная. Мы с Алоизом его тогда полностью распустили до самого низа и до прихода Оли и Али прихватили в некоторых местах репшнуром, чтобы не парусил. Сшивали его наши отважные девушки.

Из дневника: «17 октября 1941 года.

Сегодня выпал первый снег и закрыл Ленинград плотным белым покрывалом, температура опустилась ниже нуля. К концу подходит работа на Инженерном замке. Все идет хорошо. Над городом мы видим уже больше месяца. Поражают нас не бомбежки и обстрелы, а строгая мужественная красота города. Сверху можно часами любоваться его планировкой и стройными рядами зданий (правда, кое-где уже разрушенными), прямыми улицами, каналами, парками.

Войну выдают часовые в Летнем саду, охраняющие склады боеприпасов, покрытые брезентом. На Марсовом поле взметнулись в небо стволы зениток. А там далее, где Ленэнерго, разрушена часть здания бывших казарм лейб-гвардии Павлового полка, сооруженного архитектором В. П. Стасовым. Почему-то в голову приходят майские парады на Царицыном лугу, в которых участвовали полки кавалергардов, конной гвардии, кирасир и донских казаков... И публику восхищала тогда отмеченная Пушкиным «пехотных ратей и коней однообразная красивость».

А внизу, прямо под нами, зияющая пустота от авиабомбы, начисто снесшей Парадную столовую замка и похоронившей многих тяжелораненных, не успевших уйти в укрытия подвального помещения.

Наши девочки, Оля и Аля, Инспекцией по охране памятников вновь временно направлены на обмер зданий.

Продовольственное положение в городе стало катастрофическим. Паек сокращался уже несколько раз. Стремительно приближается голод. Все мы заметно сдали и похудели. Если бы не госпитальная прибавка в Инженерном замке, где нас подкармливал главврач, вряд ли мы справились бы с такой работой.

Обычно днем к замку подходят Оля и Аля, и мы вместе идем обедать. Как вдруг «заговорили» зенитки на Марсовом поле и бастионах

Петропавловской крепости, и буквально рядом с нашими головами на Соляной городок и Летний сад посыпались бомбы. Столбы огня и дыма закрыли все.

Такой сильной бомбежки близко я еще никогда не видел. Вдвоем с Алоизом мы стояли на колокольне шпиля, оглушенные свистом и разрывами бомб, их горячее дыхание доходило до нас.

Несколько бомб разорвались на улице Пестеля, попав в угловой жилой дом на Моховой улице. Бомбы разрушили землянки зенитчиков на Марсовом поле. Две упали во двор замка, выбив рамы и стекла, не причинив разрушений.

Алоиз горько пошутил: «Это, Мишуня, салют в нашу честь по случаю окончания работы на Инженерном замке.»

Тяжело было девушкам на шпиле Инженерного замка в конце октября и в ноябре на ледяном ветру. Промерзали они насквозь. Каждое утро бойцы во главе с лейтенантом помогали маскировщикам добраться с крыши на шпиль. Вручную, на лебедке поднимали они девушек и, закрепив веревки, договаривались, когда спускать альпинисток вниз. Работа шла успешно. Маскировочный чехол уже был почти зашит. Оставалось еще обшить мешковиной блестящие «факелы», высота которых 1,7 метра.

В самый последний рабочий день произошло неподвиженное.

Как всегда, девушек подняли наверх бойцы и привязали веревку. Договорились, что спустят в четыре часа дня. Днем была сильная бомбежка. В госпитале начался пожар. И про них забыли. Солдаты так и не пришли.

В двенадцатом часу ночи девушек увидели и помогли им спуститься ходячие больные госпиталя. Днем шел мокрый снег, они промокли и страшно озябли, провисев на шпиле 16 часов. Оля добралась домой ночью, чуть живая. Ее мать, Людмила Харитоновна, отпаивая кипятком, рассказывала: «Ходила я сегодня отовариваться по карточкам в Елисейский магазин, вижу люди куда-то наверх смотрят. Глянула я — два человека висят на шпиле Инженерного замка, чехол обшивают. Подумать только! На такой высоте! В такой холод!» Ей и в голову не пришло, что Оля работает на высотной маскировке. Дочь не рассказывала матери ничего, чтобы уберечь от переживаний, излишних страхов.

Эпизод на шпиле для Али не прошел

Самая высокая архитектурная доминанта города

Вот мы и добрались до шпиля Петропавловского собора. К этой встрече с ним мы готовились долго и серьезно. Уже приобрели какой-то опыт и навыки — появились уверенность и профессионализм.

В соборе мы с Алоизом сняли все пять люстр. Они сделаны в конце восемнадцатого века из хрусталя, позолоченной бронзы и цветного стекла. Закрыли мешковиной иконостас, поражающий своим великолепием. Это уникальный памятник резьбы по дереву. Иконостас выполнен как триумфальная арка, как памятник победы России в Северной войне. Он сделан по рисунку архитектора Ивана Зарудного. Над ним трудились более 40 резчиков, столяров, позолотчиков, художников в течение пяти лет.

14 октября хоронили отца Люси — Августина Павловича. Горько было смотреть на Люсю и его маму, Розалию Мартынову. Она плакала навзрыд, прижавшись к сыну. А он обнял мать огромной рукой, накрыл как птенчика крылом и тоже плакал. Провожали отца соседи и Зоя Никитина, друг и сотрудница Алоиза по работе на киностудии «Ленфильм».

Из дневника: «20 ноября 1941 года.

Сегодня в пятый раз сокращаются продовольственные нормы. Военный совет фронта принял решение рабочим выдавать 250 граммов хлеба в день, а служащим, иждивенцам и детям — 125 граммов. Это уже точно голод, чувствуем на себе. Пошла неделя, как мы работаем на шпиле. Тянем наверх лебедку и тросы, готовим блоки для подвески. Подвозим шаровую (корабельного цвета) краску. Морозы начинают крепчать, а силы сдавать. Все труднее и труднее подниматься по колокольне к «фонарику»: ноги дрожат, сердце из груди выскакивает. А главный штурм и выход наружу по трапу к Ангелу еще впереди.

Сторож Максимыч старается для нас: ловит голубей и ворон. Мясо голубей нежное и вкусное, вороны — пожестче. Два сына Максимыча погибли на фронте. Жалко старика. Но с его помощью ноги пока носят.

Оборудовали себе жилище под лестничными маршами, ведущими на колокольню. Здесь никакие бомбы и снаряды не достанут. Расположились на могилах, прямо на надгробных плитах сына Петра Первого царевича Алексея, его жены принцессы Шарлотты и родной сестры Петра Марии. Обили вход в закуток досками и войлоком, хорошо утеплились, сделали внизу лаз, как в собачей будке, чтобы меньше тепло уходило. Поставили печурку «буржуйку», а трубу от печи вывели на улицу через главный вход. Надгробные плиты застелили досками. Из разрушенного рядом жилого дома принесли широкий матрац, а из своего дома — спальные мешки.

Теперь не будем попусту тратить силы на переходы домой и обратно — ночуем в крепости.»

1 декабря, Алоиз Земба и 60-летний инженер Леонид Александрович Жуковский, руководящий нашими работами, впервые вместе поднимаемся к выходному окошку-лазу с целью разведки и планирования дальнейших работ.

Особенно тяжело Жуковскому. За весь долгий подъем он не проронил ни единого слова, стараясь дышать равномерно, не сбивать дыхания. Внутри колокольни висят на тресах тяжелые противовесы-гири часового механизма курантов. Оконные стекла были выбиты, на ступенях лежит снег, принесенный ветром. Он похрустывал под ногами, пугая голубей, перелетающих с балки на балку все выше и выше.

Алоизу тоже тяжело, у него цинга, щеки запали, в глазах нездоровый блеск. На первой открытой колокольне от сильного порыва ветра он надолго закашлялся. Тридцать градусов мороза, ветер обжигал лица, затруднял дыхание.

Большой колокол и еще несколько колоколов поменьше — клавиатура курантов — издают странные гудящие звуки.

Жуковский выбился из сил. На правах старшего он командует: «Отдых. Так можно вознестись к самому Ангелу. А нам еще предстоит спуск на землю».

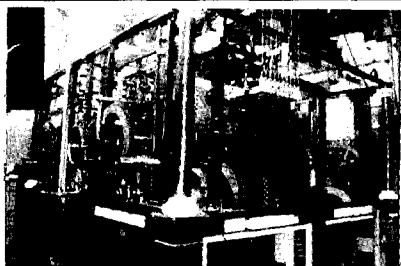
Где-то рядом оглушительно рвутся снаряды. Миновав открытую колокольню, мы по железному трапу поднимаемся к часовому механизму. Здесь темно. Алоиз зажигает «летучую мышшь». Словно открыли крышку гигантского сказочного брегета — барабаны, шестеренки, маховики. Но все это в запустении: не смазано, не отлажено и часы не отсчитывают время. Кажется, что оно остановилось навечно.

Усевшись на длинную скамью напротив металлической рамы курантов, на которой выбита надпись: «1858 год, братья Бутеноп», мы отдыхаем. Выдохлись прилично, а самый сложный участок подъема еще впереди. Надо определить, где установить грузовую лебедку, продумать страховку, подвеску блоков.

Алоиз усиленно массирует раненое колено. Жуковский восстанавливает дыхание. «Эти часики мне хорошо знакомы, — сообщает он. — До войны мне не раз приходилось бывать здесь. Я настраивал эти колокола. В полдень куранты играли «Интернационал», в полночь — траурный марш «Вы жертвою пали...».

Из рассказа Л. А. Жуковского:

«В 1715 году правительство Петра 1 заказало у амстердамских часовщиков куранты. Стоили они 23 тысячи рублей золотом.

Вот они, самые старые куранты Санкт-Петербурга

Но проработали недолго. В течение длительного времени не могли найти искусного механика, пока, наконец, не пригласили полковника голландской службы Эрдмана. Он соединил колокольный бой с часовым механизмом, и органные часы были пущены в ход.

Гроза разразилась в ночь на 30 апреля 1756 года. Сгорели шпиль, вершина колокольни, стропила крыши, купол. Погибли тридцать шесть лет прослужившие часы. Только в 1776 году при императрице Екатерине II были изготовлены в Голландии мастером Оортом Крассом и установлены новые часы-куранты, которые отбивали четверть часа, полчаса и час, а в полдень играли мелодию Генделя, столетие со дня рождения которого тогда отмечалось.

В 1825 году композитор Бортнянский написал музыку на псалом «Коль славен наш господь в Сионе». Куранты исполняли ее четвертным перезвоном. Но императору Николаю I показалось недостаточным, что главные часы империи исполняют лишь религиозную мелодию. В 1833 году он дал задание придворному композитору А. Ф. Львову сочинить государственный гимн, что было исполнено. Через год поэт В. А. Жуковский написал к нему текст «Боже, царя храни». Два эти мелодии играли куранты вплоть до Октябрьской революции. После Октября потребовалось заменить ее новой. Вся сложность тут не в механике курантов, а в настройке колоколов. Старинные мастера секрет знали, но унесли с собой. Нашлись умельцы, которым удалось сделать новый бой, тоже состоящий из двух мелодий. Теперь с колокольни слышались мелодии «Интернационала» и «Вы жертвою пали в борьбе роковой».

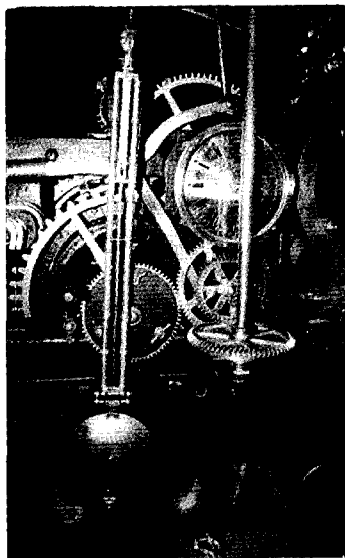
В 1952 году с колокольни стал звучать гимн Советского Союза...

Вскоре мы добрались до верхней открытой колокольни и вошли в металлический шпиль. Он промерз и был покрыт изнутри инеем. Я со свечей в руке шел впереди, за мною, прихрамывая, поднимался Алоиз. Л. А. Жуковский остался в помещении курантов. Голова у меня начала кружиться от многочисленных поворотов винтовой лестницы.

Вот наконец и вертикальная лестница-стремянка, ведущая к последней площадке у лаза, выводящего наружу.

«Миша, осторожно! — предупреждает Алоиз. — Ступени здесь далеко одна от другой. Ногу задирай повыше. Если оступиться, то костей на этой лесенке наломаешь больше, чем сорвавшись со шпиля».

Поднявшись к лазу, я помог Алоизу выбраться на последнюю площадку. Обнявшись, мы почувствовали, как уходит в сторону шпиль под напором ветра.

Контрольные часы
и маятник механизма
курантов

«А что же на шарике делается! — воскликнул Алоиз. — Наверное, как на качелях!»

Выбравшись наружу через форточку лаза, выходящего в сторону Петроградской стороны, я огляделся. На бастионах крепости и на стрелке Васильевского острова расположились зенитные орудия. В замерзшей Неве стояли корабли. У Зимнего дворца — эсминцы «Страшный», «Сильный», «Свирепый». За Дворцовым мостом — лидер «Ленинград», за мостом Лейтенанта Шмидта у Горного института — крейсер «Киров». У Балтийского завода — линкор «Октябрьская революция». А дальше на линии фронта виднелись всполохи огня.

Сейчас мы находились на отметке 103 метра — выше креста Исаакиевского собора на 1,5 метра. Но высота здесь чувствовалась гораздо острее, чем на шпилях Адмиралтейства и Инженерного замка. Голова слегка кружилась, почему-то подташнивало. Завтра предстоял подъем к Ангелу — 19,5 метров хода по вертикали снаружи под ледяным ветром.

Алоиз, глядя на город сверху, тяжело вздохнул: «Ну что ж, Миша, полюбовались и будет. А теперь займемся делом».

Внутри шпиля, над входным лазом, в пяти метрах ниже шарика просверлили дрелью дыру. Через нее пропустили наружу трехмиллиметровый стальной трос для страховки идущего первым.

И вот на следующий день — первая попытка подъема. На мне штормовой костюм, надетый поверх ватной куртки и ватных брюк. На груди — обвязка. Алоиз страховал с внутренней площадки. Страховка получилась верхняя. Трос уходит к отверстию наверх.

Дул пронизывающий ледяной ветер. В последний раз Алоиз проверяет мою обвязку, крепление троса. Поправив на моем плече бухту репшнура и сумку с инструментом, под напутствие напарника: «Вознесись, Мишуня, до Ангела!» я протиснулся через узкий лаз наружу и, ухватившись за наружные скобы, начинаю вытягиваться вверх. Выход и вход в это маленькое окошко, очень неприятная процедура.

Стоя на нижней скобе, я глянул вниз и вдруг почувствовал себя парящим в воздухе. Голова закружилась. Ноги стали слабеть.

Почувствовав недоброе, Алоиз моментально обхватил мои ноги левой рукой, не выпуская из правой страховочный трос. Твердым голосом дважды повторил: «Миша, спокойно! Не смотри вниз! Не смотри вниз! Гляди вперед, на тот берег Невы!»

Успокоившись, почувствовав, что слабость прошла и появилась уверенность, твердость в руках, я размеренно, соблюдая правила техники скалолазания, двинулся вверх, в сумрачное ленинградское небо. Поднимался не спеша, сберегая силы для выхода на шарик. Там отрицательный уклон.

Чем выше поднимался, тем явственнее ощущал ось раскачивания шпиля. Ощущение было такое, словно взбирался на

высокую мачту яхты, дрейфующей на штормовых волнах. Я знал, что конструкция шпиля прекрасного инженера Д. И. Журавского рассчитана на скорость ураганного ветра до 47 метров в секунду. Таких ветров за всю историю города не наблюдалось. Запас прочности конструкции, таким образом, был велик. Но сведения эти мало утешали, когда надо было преодолевать раскачивающуюся поверхность шара. Единственная связь с Алоизом была через трос, уходящий вверх. Я знал: что бы ни случилось — моя жизнь в руках верного товарища. С каждым шагом чувствовал себя уверенней. Поглядывая вниз, я видел сосредоточенное лицо Алоиза, внимательно наблюдавшего из окошка за каждым моим движением. Страховал Алоиз виртуозно, не мешая тросом при движении, не тянул вверх, не позволяя тросу провисать, а легко, ненавязчиво и технично вел напарника к шару. И все-таки одолеть его в тот день мне не удалось. Не удалось и в последующие пять дней. Не было чувства страха. Было чувство бессилия: не подтянуться к следующей скобе, не подтащить себя по отрицательному наклону. Всею виной был голод.

1858 г.

Конструктор и строитель
металлического шпиля
Петропавловского
собора полковник-
инженер Д. Журавский

Алоиз помогал как мог: подбадривал, наставлял. И это шло на пользу. Он все чувствовал так, как будто лез сам: «Если не уверен, спустись, отдохни — попробуй еще раз».

Спустившись до лаза, я отогревал руки, восстанавливал дыхание и силы. Шпиль содрогался от рвущихся рядом снарядов.

И снова попытка. Стрельба идет вольно. На шпигеле я как на ладони. Беззащитен от всех ветров и снарядов. Но мысли заняты другим — одолеть слабость. Я уже привык к шпилю, к высоте. Как на тренировке, появилась уверенность и выносливость. Уже знаю, что не кистью руки надо брать за скобу, а пропускать ее под локоть. Так легче висеть на руках. Не стоять ногой на скобе, а пропускать скобу под колено. Теперь, выбившись из сил, я могу отдышать, сцепив две руки, обняв скобу. Теперь никакая сила не разлучит меня со шпилем. Можно решаться на штурм нависающего шарика.

Но мудрый, осторожный Алоиз, как старший брат, наставлял: «Не торопись, ты уже молодец. Сегодня поднялся на двадцать сантиметров выше, чем вчера. Все будет хорошо. Отложим штурм до завтра».

И вот решающий день штурма, седьмой по счету. Мороз за 35. Вот он, этот близкий и такой далекий шарик. Остановился, почти упираясь в него головой. Руки, уставшие от напряжения, слегка дрожат. Пальцы в армейских снайперских рукавицах с отдельным указательным пальцем заоченели. Их надо согреть. Пропев ноги между шпилем и скобой, я заклинился, отдыхая, придерживаясь за скобу по очереди то правой, то левой рукой.

Вращаю освободившейся рукой в плечевом суставе и чувствую, как кровь начинает приливать к бесчувственным пальцам. Все идет нормально. Алоиз машет рукой из окна и что-то кричит. Из-за сильного ветра трудно разобрать слова. Но два слова все-таки уловил: «Молодец! Отдохни». Счастье иметь такого напарника.

Самое трудное — преодолеть нависание. Страховочный трос, который до сих пор уходил вверх, теперь остался под ногами. Теперь уже Алоиз будет не выбирать, а выдавать трос, и в случае срыва придется пролететь солидный кусок, прежде чем напарник успеет выбрать трос и самортизировать падение. Я не сомневаюсь в надежности друга, в его интуиции. И это сильно помогает.

Вновь завывли сирены, оповещая воздушную тревогу, и вскоре с южной части Финского залива показались немецкие бомбардировщики. Они несли Ленинграду очередную порцию смерти. Плотный зенитный огонь преградил им путь к городу. В помощь зенитчикам включилась корабельная артиллерия. И все же отдельные бомбардировщики, прорвавшись сквозь заслон, начали беспорядочную бомбежку, пытаясь побыстрее уйти от огня. И тут с северного побережья залива вынырнули советские истребители. Фашисты, не принимая боя, стали разворачиваться и уходить на юг. Затаив дыхание, мы наблюдали за воздушным боем с высоты. Но вот Алоиз постучал по шпилью, подавая сигнал к штурму шара.

Верхушка шпиля ходит ходуном от ветра. Парусность создавал не только шар, но и Ангел с распростертыми крыльями (его

1941 г.

Это зенитное орудие на стреле Васильевского острова защищало верхолазов, работавших на шпилях Адмиралтейства и Петропавловского собора

